

ЭКОНОМИКА

СТАБИЛЬНОСТЬ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

В.З. Баликов, И.Д. Гребенщикова

НГАСУ (Сибстрин)

E-mail: econom_sibstrin@ngs.ru

Рассматриваются категории экономического роста и развития в аспекте их устойчивости и стабильности. Подчеркивается диалектическая взаимосвязь между этими категориями на уровне социума макро- и микроэкономики. Исследуются социальные, политические, экономические и т.д. последствия их диалектики в длительной исторической ретроспективе в разных странах.

Ключевые слова: развитие, регулирование экономики, устойчивый характер, национальная экономика, структурная стабильность, инвестиции, благосостояние, реальный сектор.

Любая социально-экономическая система – государство, регион, предприятие – имеет в качестве главной внутренней и внешней характеристики развитие. Только оно дает представление о необходимом, существенном движении, изменении системы во времени. Иногда в качестве синонима развития употребляется термин «прогресс», когда хотят особенно подчеркнуть не просто линейное развитие системы, а именно ее движение от низших состояний к высшим, от менее совершенного ее состояния к более совершенному.

Хотя само развитие многообразно, его формы можно классифицировать по различным признакам. По *результатам* развитие может быть эволюционным и революционным. При этом результатом первой формы развития являются постепенные количественные изменения, только в длительной перспективе приводящие к качественным изменениям, а второй – принципиальные качественные изменения, которые, накапливаясь, меняют системные характеристики в исторически очень короткие промежутки времени.

По *источникам* развитие может быть экзогенным и эндогенным. В первом случае источник развития находится вне системы, во-втором – внутри нее. Очевидно, в первом случае развитие осуществляется под воздействием внешних факторов, предполагая, что внутренний потенциал развития объективно недостаточен. В таком случае над развитием, имеющим глубоко автохтонный, самобытный характер, осуществляется известное насилие. Результатом такого насилия

становится ускорение развития, при котором системе грозит потеря своей национальной самобытности, так как, по существу, это развитие ей навязывается без вызревания внутренних предпосылок.

Во втором случае источники развития находятся внутри самой системы, ими накоплен соответствующий потенциал, они самодостаточны для реализации поступательного развития системы.

Если же оба источника существуют одновременно, во взаимосвязи и взаимозависимости, то они могут оказывать кумулятивное воздействие на развитие системы, которое приобретает быстрый и необратимый характер. По *механизму реализации* развитие может быть экстенсивным и интенсивным. В результате реализации первой его формы проявляется и увеличивается уже накопленный потенциал в основном через количественные характеристики, в результате второй – используются качественно новые, более совершенные элементы и факторы развития.

Основной показатель социально-экономического развития – экономический рост, особенно в длительной перспективе. Экономический рост позволяет решать любые задачи и проблемы национальной экономики, носящие самый разный характер, не снижая уже достигнутого уровня жизни. Это необходимо особенно подчеркнуть – *не снижая достигнутого уровня жизни*. В таком случае экономический рост позволяет системе более эффективно решать проблемы экологии, бедности, образования, здравоохранения и т.д., не говоря уже о том, что реальный экономический рост, кроме сказанного выше, означает прежде всего снижение обществом издержек производства и рост производительности труда.

Отсюда вытекает однозначный вывод. Несмотря на то, что развитие является несравненно более широкой и объемлющей категорией, имеющей социальное, экономическое, политическое, культурное, ментальное и т.д. содержание, материальной основой его реализации является экономический рост.

«Сам по себе экономический рост ни в коей мере не является достаточным условием развития, – пишет И. Сакс. – Индикатор ВВП на душу населения представляет собой несовершенный и грубый инструмент измерения качества жизни» [5, с. 9–21]. Необходимо подключение к экономическому росту множества факторов экономической, социальной и политической среды. Однако очевидно, что экономический рост обеспечивает на фундаментальном уровне предпосылки «развития». О том же самом говорит и С.Серафи, утверждающий, что «развитие означает не только процесс, но и цель, и поскольку это понятие гораздо шире и сложнее, чем то, что вытекает из душевого ВВП, последний считают недостаточным для оценки развития, как бы оно не определялось» [7, с. 77–92].

Целями государственного регулирования экономики являются: стимулирование роста производства, обеспечение полной занятости, справедливое распределение доходов, сохранение природной и окружающей среды... иначе говоря – социально-экономическое развитие страны. П. Самуэльсон и У. Нордхаус пишут о том, что «нельзя стремиться лишь к простому количественному росту производства (пусть даже в расчете на душу населения). Необходимо также внутреннее развитие всей социально-экономической структуры общества» [6, с. 7].

Однако наиболее полно содержание категории «развитие» определил М. Тодаро: «Изменилось и само понимание “развития”, – пишет он, – от почти полного отождествления с агрегированными показателями экономического роста до

включения в него таких вопросов, как бедность, неравенство, безработица, рост населения, деградация окружающей среды, стагнации аграрного сектора. Это не отвлеченные дискуссии о сравнении сводных экономических показателей различных стран» [8, с. 13].

Мы не случайно выделили М. Тодаро из ряда цитируемых авторов, поскольку именно он внес наибольший вклад в исследование категории «развитие». Собственно его исследования и легли в основу нижецитируемого всеми программного документа ЮНЕСКО.

Анализ развития М. Тодаро и в программном документе ЮНЕСКО практически ничем не отличаются. А учитывая то, что М. Тодаро занимается «Развитием» уже более 40 лет, мы смело можем пальму первенства отдать ему.

Таким образом, окончательно взаимосвязь и взаимозависимость роста и развития подводит программный документ ЮНЕСКО: «Если абстрагироваться от экономического роста, который является двигателем, а не целью развития, то развитие по своему характеру прежде всего является социальным процессом; развитие также тесным образом связано с обеспечением мира, защитой прав человека, демократией как способом управления, охраной окружающей среды и, наконец, одно из самых важных – с культурой и образом жизни народа» [3, с. 21].

Здесь очевидно одно. Столь широкая трактовка развития говорит о том, насколько эта категория более масштабна и объемлюща, чем рост, следовательно, в нашем исследовании мы будем исходить именно из такого понимания развития.

Непосредственно в реальной социально-экономической действительности чрезвычайно важно, чтобы рассматриваемое нами развитие как процесс сохраняло поступательную динамику в течение длительного времени. Длительность самого времени развития объективно определяется необходимостью решения обозначенных выше задач или проблем. Именно исходя из этой объективной необходимости нас интересует не просто развитие и не столько оно, сколько его устойчивость или неустойчивость. Эта качественная характеристика развития возникает и имеет значение именно в длительной перспективе. Для достижения конкретных социальных и экономических результатов развитие должно носить устойчивый характер.

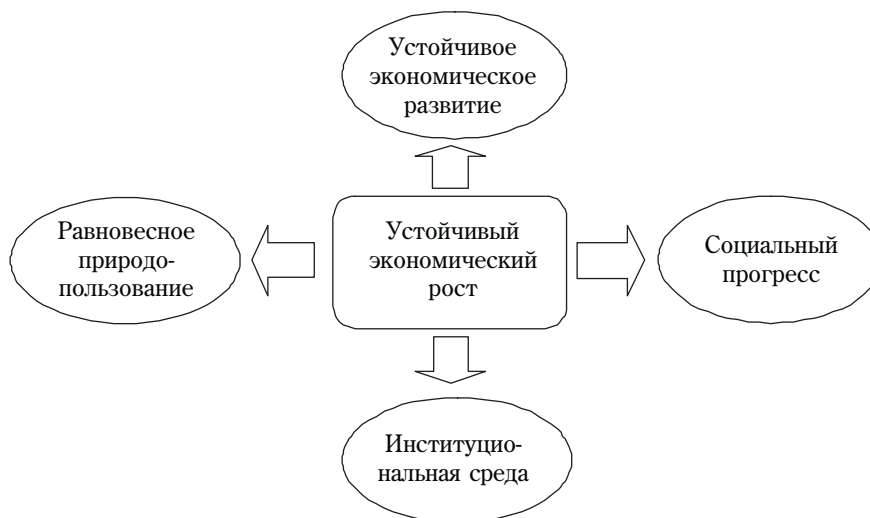
Однако в определении «устойчивого развития» все исследователи наполняют его содержание чем угодно, но только не временем его протекания или существования. Видимо, они полагают, что сам термин «развитие» предполагает его протекание во времени. Но весьма существенное влияние оказывает время и его продолжительность на различные аспекты развития. Хотя бы, например, в аспекте анализа развития по результатам эволюционного или революционного его протекания. Тем не менее не будем вдаваться в подробную дискуссию по этому вопросу, так как «устойчивое развитие» не является непосредственно предметом нашего исследования. Приведем лишь его наиболее общее, в конечном счете, оно же и наиболее точное, определение, заключающееся в такой модели движения вперед, при котором удовлетворяются все жизненные потребности нынешнего поколения людей без лишения такой возможности будущих поколений [3, с. 3]. Очевидно, такое определение устойчивого развития слишком общее, но оно конституирующее, стало программным и, самое главное, с ним согласны абсолютно все исследователи.

Иначе говоря, это такая модель развития, которая позволяет преодолевать и разрешать все социально-экономические, экологические и другие проблемы за счет развития науки и техники, технологий и управления и т.д.

Исходя из этого, концепция устойчивого развития базируется и исходит из следующих принципов, которые оно, в свою очередь, должно гарантировать:

- 1) люди имеют право на здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой;
- 2) в процессе развития удовлетворение потребностей должно осуществляться без ущерба для окружающей среды и будущих поколений;
- 3) охрана окружающей среды – неотъемлемая составляющая устойчивого развития;
- 4) устойчивое развитие должно способствовать искоренению бедности и нищеты во всем мире [1, с. 16].

Все сказанное выше предполагает, что устойчивое развитие объективно должно сохранять рост возможностей удовлетворять потребности и одновременно изменять в сторону уменьшения эксплуатацию ресурсов, в сторону роста – КПД используемых технологий и качества менеджмента. Очевидно, что устойчивое развитие – это система: ПРИРОДА – ОБЩЕСТВО – ЧЕЛОВЕК, наиболее наглядно иллюстрируемая нижеприведенной схемой:

Все, что было сказано, безусловно, касается устойчивости развития на уровне экономического развития вообще.

На уровне национальной экономики под устойчивым развитием понимается процесс улучшения качества жизни всего населения, включающий три составляющие:

- 1) повышение в ходе взаимосвязанных процессов экономического роста качества жизни людей – доходов, потребления продовольствия, уровней образования, медицинского обслуживания и т.п.;
- 2) создание условий, способствующих росту самоуважения людей в результате формирования социальной, политической, экономической и институциональной систем, ориентированных на уважение человеческого достоинства;

- 3) укрепление свободы путем расширения для людей возможностей улучшения их снабжения потребительскими товарами и услугами [2, с. 361].

Если мы добавим к этим принципам экологический фактор, то содержание устойчивого развития вообще и его понимание на уровне национальной экономики практически будут идентичными.

Фирма (или предприятие) ни по своему статусу, ни по своим целям не может отвечать всем требованиям устойчивого развития на категориальном уровне. Ясно также и то, что как бы узко фирма не трактовала устойчивое развитие на своем уровне, она будет лежать в русле глобального его определения. Но фирма непременно его будет сводить к своим конкурентным показателям, поскольку именно они для нее наиболее реальны и осязаемы. Итак, устойчивое развитие фирмы – это такое ее финансовое состояние, когда хозяйственная деятельность фирмы обеспечивает выполнение всех своих обязательств перед работниками, другими организациями, государством, благодаря достаточным доходам и соответствию доходов и расходов [2, с. 434].

Определения устойчивого развития других авторов немногим отличаются друг от друга и практически сводятся к характеристике ликвидности предприятия в длительной перспективе.

Анализируя рост, развитие, устойчивое развитие, мы нигде не обнаружили их анализ в связке с глобальной категорией «стабильность». Ведь, по существу, все рассуждения о развитии – устойчивом или не очень – являются бесплодными, если игнорируется его стабильность – этот общий глобальный фон, собственно на котором и происходят процессы развития.

Два направления исследований – развития и стабильности – как бы идут параллельно, нигде не соприкасаясь. Хотя из анализа и той и другой категории очевидна их глубокая связь (взаимосвязь).

Наибольший вклад в исследование стабильности развития внесли зарубежные ученые: М. Олсон, Г. Таллок, Д. Мюллер, А. Ослунд, Дж. Бьюкенен, а также отечественные экономисты: Р. Нуреев, А. Скоробогатов, В. Вольчик, В. Бережной и др.

«Под стабильностью в самом общем виде надо понимать воспроизводство одних и тех же социально-экономических и политических связей в течение значительного периода времени. Однако необходимо различать стабильность на уровне общества – на уровне его строения в социально-классовом аспекте и на уровне его макроэкономических показателей» [см. 4, с. 13]*.

Первый уровень стабильности выражается в ее структурном аспекте и называется структурной стабильностью. Структурная стабильность подразумевает сложившуюся, законченную, гармоничную социально-классовую структуру общества, от состояния которой в определяющей степени зависят и экономический рост, и экономическое развитие. Гармоничной социально-экономической структурой называется та, которая отвечает следующим характеристикам: основой общественного хозяйствования является четко и ясно сформированная форма собственности, закрепленная конституционно и институционально. Например, общественная собственность на средства производства

* Идея указанного аспекта анализа устойчивого развития и стабильности взята нами у Р.Нуреева в цитируемом произведении.

при плановом хозяйстве или частная собственность – в рыночном; ей или им соответствует класс-гегемон, который олицетворяет государственный интерес как свой. Иначе говоря, интересы господствующего класса совпадают с государственными интересами или они тождественны. Это рабочий класс в плановой системе и буржуазия в самом широком ее понимании в рыночной системе. Соответственно, они же задают институциональные «правила игры» и определяют вектор общественного развития. Очевидно, в русле этого вектора развития конституируются и политика, и идеология, и культура, а также ментальность общества. Если эта сложная структура остается стабильной в течение длительного времени, то от его продолжительности зависит и характер экономического роста и развития – будут ли они кратковременными, спорадическими или устойчивыми.

Второй аспект отражает экономическое содержание стабильности общественного развития, выражает соотношения макроэкономических показателей (переменных), поэтому назовем ее конъюнктурной стабильностью [см. 8, с. 13]. Конъюнктурная стабильность как раз наиболее рельефно выражается в показателях экономического роста.

В конъюнктурной стабильности огромную роль играют инвестиции, расходы на создание реальных активов. Это и государственные инвестиции, и амортизационный фонд, и результаты процесса накопления, наконец, это и весь мобилизованный инвестиционный потенциал финансово-кредитной системы. В соответствии с циклическим характером экономического развития масштабы инвестиционного процесса то возрастают, то ослабевают. Но очевидно одно. Между конъюнктурной стабильностью и инвестициями существует определенная, притом положительная связь. В рамках макроэкономики стабильность позволяет реально осуществлять перспективное планирование (на достаточно большие сроки), способствующее росту реальных инвестиций. Несложно предположить, что отсутствие конъюнктурной стабильности негативно сказывается на масштабах реальных инвестиций.

Однако вернемся к структурной стабильности. Социальный слой или класс, может быть организацией – выразительницу их интересов, отождествляющую свои интересы с государственными или считающую государственные интересы своими, М. Олсон назвал группой всеохватывающих интересов. Например, КПСС в лице Политбюро и ЦК КПСС, партийно-хозяйственного актива, национал-социалистическая партия в Германии, сегодняшние Республиканская или Демократическая партии в США и т.д. Принципиально важно уяснить одно – сколько бы не длилась структурная стабильность, такая группа всеохватывающих интересов в стране существует.

Под группами же специальных интересов обычно понимают совокупность агентов, которые характеризуются совпадением экономических интересов и на которых действуют избирательные стимулы для производства совместного коллективного блага. Они могут создавать структуры лоббирования экономических и политических решений и нормативных актов, олигархические и монополистические структуры, а также участвовать в перераспределении ресурсов с целью их присвоения и получения ренты [см. 4, с. 36].

Такие группы специальных интересов пытаются ставить государственный интерес после своих, подчинять первый интерес вторым, и, в общем, все имеющиеся в стране ресурсы превратить в свою ренту.

Такие группы готовы на все, чтобы защитить свои специальные интересы. Естественно, у таких групп специальных интересов со временем не может не возникнуть противоречий не только с группой всеохватывающих интересов, но и со всем обществом.

Когда общество в процессе исторического развития – национального или мирового – попадает в полосу системного или глобального кризиса, наступает структурная нестабильность, которая в принципе до основания перетряхивает это общество. Чаще всего за ним следует период «созидательного разрушения» (М. Олсон), за которым неотвратно следует быстрый экономический рост и эпоха новой структурной стабильности. Под созидательным разрушением понимается прежде всего распад групп специальных интересов. Этот период называется периодом «созидательного разрушения» потому, что разрушаются (уничтожаются) все группы специальных интересов, тормозящих общественное развитие. Их разрушение – объективно необходимое условие для созидания группой всеохватывающих интересов структурной стабильности, т.е. длительного устойчивого развития. Наиболее показательны примеры Германии и Японии после Второй мировой войны, Чили и Испании после Пиночета и Франко.

В результате поражения Германии и Японии во Второй мировой войне существовавшие там группы специальных интересов распались: военно-политическая олигархия. Этот распад ликвидировал препятствия для социально-экономического развития стран. Групп специальных интересов не стало, следовательно, группы всеохватывающих интересов – они же государственные, национальные – определили вектор дальнейшего развития стран. Мир заговорил о немецком и японском экономическом чуде в 50–60-е годы XX в. То же самое можно сказать и о Чили и Испании, чей опыт экономического возрождения стал предметом пристального внимания и изучения во всем мире.

Наличие структурной нестабильности постепенно приводит к нестабильности конъюнктурной, так как неопределенность и риск в экономике возрастают. Но диалектика такова, что именно это явление приводит к ускоренной самоорганизации групп специальных интересов. Наиболее яркий пример – Россия. Здесь в результате распада плановой системы – исчезновения группы всеохватывающих интересов – и весьма слабой законодательной проработанности рыночных реформ, а следовательно, слабой защищенности зародившихся рыночных институтов формируются группы специальных интересов, приобретшие в соответствии с российской спецификой семейно-клановый, теневой и, в целом, криминальный характер. Ведь делился громадный пирог общественной собственности. Громадность пирога подчеркивается тем, что производственные мощности СССР, его ВВП составляли 82% от показателей США. Экономическая мощь СССР выражалась тем, что наша страна производила 18% мировой промышленной продукции. Криминальность российской экономики достигла апогея в 1994–1996 гг. Достаточно сказать, что один из крупнейших в мире Находкинский морской порт был приватизирован за сумму, на которую можно было купить две бутылки водки.

Структурная стабильность, наоборот, как мы уже установили, способствует конъюнктурной стабильности, поскольку для нее создаются благоприятные экономические условия, особенно в области инвестиций. Именно к инвестициям создает в первую очередь стимулы конъюнктурная стабильность. Однако анализ

любой национальной экономики, особенно российской, показывает, что собственно масштабы инвестиций еще ни о чем не говорят. Направление, эффективность и характер инвестиций зависят от соотношения структурной и конъюнктурной стабильности.

Очевидно, что не все инвестиции благоприятно сказываются на благосостоянии населения, которое как раз и защищается группами всеохватывающих интересов (структурная стабильность). Важно разграничение всей совокупности инвестиций по критерию их направленности, т.е. какова их целевая функция, во что они вложены: по Дж. Бьюкенену – на получение *прибыли* или получение *ренты*. Так, например, любой доход от изобретения, внедрения новой технологии, организации труда, менеджмента является «прибылью», ибо результат непосредственно сказывается положительно на благосостоянии людей. Такое понимание прибыли весьма содержательно и очень интересно, так как исключительно точно подчеркивается социальный характер экономической деятельности.

Другой вид инвестиций направлен на получение ренты и в первую очередь связан с ограничением конкуренции и выступает в виде монопольной прибыли. Такой доход является результатом перераспределения, а не создания богатства. Но что очень интересно. Поскольку для его получения требуется осуществить соответствующие затраты реальных ресурсов, монополии приносят обществу чистый ущерб, убыток. Это и монополии в обычном их предпринимательском (производственном) понимании, и профсоюзы, борющиеся за рост заработной платы, и олигархи, получающие исключительное финансирование или права на разработку соответствующих источников сырья и ресурсов, и банки, обслуживающие государственные целевые программы, это, наконец, и «откаты», без которых ни один вид монополии не функционирует. Именно в этом смысле данный вид ренты Дж. Бьюкенен называет «рентой» в узком смысле слова, в отличие, например, от земельной ренты. Следовательно, «прибыль» – это доход, сопровождающий рост общественного богатства, а «рента» – наоборот, доход, сопровождающийся нанесением ущерба общественному благосостоянию.

Очень важно в этом смысле отметить, что получение ренты в основном связано с перераспределительной функцией государства. Как известно, главная функция государства в рыночной экономике – защита прав собственности и их спецификация и, естественно, его социальная политика. Борьба же вышеперечисленных экономических агентов за то, чтобы заключить сделку с государством с целью извлечения выгоды, и есть в полном смысле этого слова «поиск ренты».

«Поиск ренты» стоит очень дорого – лоббирование, коррупция, откаты и многое другое. И если лоббирование и коррупцию достаточно сложно выразить в количественных показателях, то откаты достигают 15–20% полученного финансирования. Вся совокупность указанных расходов, связанных со стремлением использовать государство для получения доходов, можно рассматривать в качестве инвестиций, направленных на получение ренты. Следовательно, мы можем совершенно определенно сказать, что инвестиции осуществляются в двух направлениях, в двух видах: прибылеориентированные и рентоориентированные. Поскольку последние являются результатом политики и политических манипуляций, их можно назвать политическими инвестициями. Вывод очевиден: чем больше доля политических инвестиций в общей массе реальных инвестиций, тем больший ущерб общественному благосостоянию они будут приносить.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод: конъюнктурная стабильность влияет на общий объем инвестиций, а структурная – на их направление. В зависимости от того, что преобладает в структурной стабильности – группы всеохватывающих интересов или специальных, будет определяться сравнительная значимость экономических или политических инвестиций.

Потери же общественного благосостояния, связанные со стабильностью, будут тем выше, чем более рентоориентированным является общество и, следовательно, чем больше и выше относительная значимость политических инвестиций.

Очень интересна связь структурной стабильности с благосостоянием. Она проявляется тем четче, чем продолжительнее структурная стабильность (М. Олсон), чем продолжительнее период формирования групп интересов, чем более четко эти группы проявляются, тем сильнее их влияние на благосостояние.

Как правило, с начала историко-экономического периода доминирует группа всеохватывающих интересов. В послереволюционный период их олицетворял И.В. Сталин. Он сконцентрировал в своих руках всю полноту власти, позволившую практически уничтожить все группы специальных интересов (в соответствии с первым законом революции – «Революция после победы в первую очередь пожирает своих творцов»). Вспомним аналогичную картину в Англии – после буржуазной революции 1649 г. диктатор (английский вариант – лорд-протектор) О. Кромвель, во Франции – после Великой французской буржуазной революции 1789 г. якобинская диктатура, подарившая человечеству не только понятие цивилизации и «свободу, равенство и братство», но и гильотину, через которую прошла одна треть французской аристократии и интеллигенции.

И.В. Сталин железной рукой защищал всеохватывающие интересы, они же государственные. И что самое интересное, даже самые непримиримые его противники сегодня именно в этом ему отказать не могут. После 1953 г., когда железная хватка диктатора исчезла, стремительно возникают группы специальных интересов, которые все более и более перераспределяют в свою пользу властные (политические) и экономические ресурсы в стране. Естественно, при этом их центральная власть теряет. Все более усиливаются позиции групп специальных интересов уже при Н.С. Хрущёве, когда происходит определенное вполне официальное перераспределение власти и ресурсов в пользу партийной бюрократии. После октябрьского (дворцового) переворота в 1964 г. во главе страны и партии встает Л.И. Брежнев, который передает партийной номенклатуре национально-кланового толка не только властный, но и территориальный ресурс. Справедливости ради надо заметить, что до него в отношении Крыма так же поступил Н.С. Хрущёв. Л.И. Брежнев передал Казахстану четыре области России, ставшие своеобразными «северными территориями» для советского Казахстана. Наступает эпоха застоя, эпоха процветания элит – партийных, региональных, национально-клановых, а в некоторых регионах происходит их элементарное сращивание. Группы специальных интересов набирают силу, зато ее теряет центральная власть. Идет стремительное накопление политических инвестиций, а страна в целом теряет экономический рост. Чего стоила советской экономике только практика корректировки государственных планов. Какой-нибудь лидер социально-партийной или регионально-клановой группы специальных интересов в личной встрече или за определенную мзду добивался снижения плановых показателей для своего региона или республики. Затем в

регионе перевыполняли уже пониженные производственные плановые показатели и за это получали огромные по тем временам премии и награды. Всеохватывающим интересам наносился двойной ущерб. Во-первых, снижение плановых показателей было колоссальным ударом по общегосударственному плану, так как все его составляющие были гармонично взаимосвязаны. Снижение плановых объемов производства никем никак не компенсировалось, следовательно, баланс плановых показателей нарушался. Во-вторых, за это еще и стимулировали премиями и наградами, не говоря уже о катастрофической потере доверия к власти и интенсификации поисков знакомств во властных структурах, что вело к естественному ослаблению поиска производственных факторов успеха.

Очевидно, что при сравнительно долгом сохранении структурной стабильности сохранялась и конъюнктурная, но они, сосуществуя, эволюционировали: структурная стабильность, по-существу, обеспечила усиление групп специальных интересов, а конъюнктурная – все более и более способствовала росту политических инвестиций, т.е. реальным расходам на перераспределение власти и ресурсов [см. 4, с. 18].

В свете сказанного взглянем на Россию после 1992 года. В 1992–1998 гг. Россия находилась в глубочайшей конъюнктурной нестабильности. В купе со многими причинами, вызванными в жизнь системным кризисом, она приводит к катастрофическому упадку инвестиционной сферы. Ярко проявилась параллельно и структурная нестабильность, так как была практически уничтожена группа всеохватывающих интересов. Наступила, в полном смысле слова, вакханалия групп специальных интересов. Напомним, что в Германии и Японии произошло как раз все наоборот, что создало условия для их «экономического» чуда. В России же была уничтожена единственная группа всеохватывающих интересов. Единственная группа, заинтересованная в росте общественного благосостояния.

Новые группы специальных интересов формируются на основе старых, из которых в перспективе должна выделиться группа всеохватывающих интересов. Должны были по логике стремительно сократиться как экономические, так и политические инвестиции. С первыми так и произошло. Но вторые, наоборот, резко возрастают, так как в обществе возникает гигантский по масштабам компенсирующий фактор – передел собственности – «уникальной исторической возможности присвоения ренты» (Ж. Ролан). Поиск ренты – наиболее заметный вид экономической и политической деятельности в 90-е годы. Экономика России постепенно, а затем с некоторым ускорением, приобретает рентоориентированное направление развития.

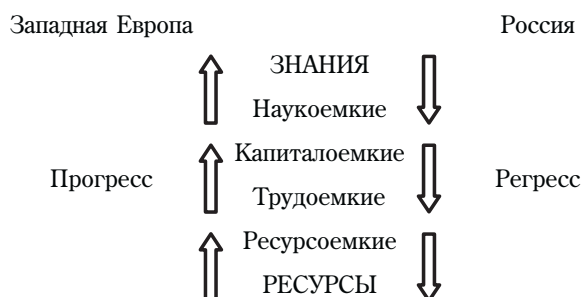
В связи с неизбежным завершением передела собственности, распадом страшно разорительной системы ГКО и благодаря благоприятной конъюнктуре на мировых рынках медленно возникают как конъюнктурная, так в известной степени и структурная стабильность к 1998 г.

В настоящее время относительная структурная стабильность стимулирует рост политических инвестиций, так как параллельно идет рост и развитие как групп всеохватывающих интересов, так и специальных. При этом политические инвестиции становятся главной и всё возрастающей частью всех инвестиций в России.

Иначе говоря, рентоориентированный сектор российской экономики растет и развивается значительно быстрее, а следовательно, отвлекает на себя все

большую часть инвестиционных ресурсов страны. Инвестиционный голод в реальном секторе растет. В этом смысле наиболее жизнеспособными оказались некапиталоемкие отрасли, которые меньше всех нуждаются в масштабных инвестициях. По существу, произошло возвращение в качестве основной производительной силы неквалифицированного труда.

Очевидно, чем выше значительность политических инвестиций, тем менее капиталоемкой будет экономика. Она эволюционирует в сторону развития сырьевых и энергетических отраслей. Торговля, пищевая промышленность, в целом сфера услуг процветают. В экономике возникает определенный регресс, который в экономической литературе называют «технологической деградацией». В основе таких рассуждений лежит определенно иерархия отраслей, расположенных по их сравнительной прогрессивности в современной мировой экономике:

Увы, по этой мировой лестнице российская экономика движется не вверх, а вниз в плане технологического развития.

Из логики наших суждений вытекает основная причина такого положения – инвестиционный голод, вызванный ростом политических инвестиций.

Об этом же свидетельствует на первый взгляд косвенный показатель инвестиционного развития российской экономики – структура активов российских коммерческих банков. Они формировались в 90-е годы, по-существу, когда государство и обнищавшее население выступали в качестве финансовых доноров рентоискателей – банковских структур. В то время они без труда получали государственные трансферты в финансовой сфере, столь же легко им доставались кредиты от Центробанка, не говоря уже об обслуживании государственных финансов, кредитовании безрисковых правительственных программ, а также принятии вкладов у населения по отрицательной ставке процента. Банки особенно стали «жировать» на ГКО – этом грандиозном источнике ренты.

Если последнюю идею обобщить, то мы получим единственно правильный, бесспорный вывод – банковская сфера России в 90-е годы сформировалась не как источник инвестиций в реальный сектор, а как фактор, отвлекающий из него инвестиционные ресурсы.

Дефолт 1998 г. закрыл этот неиссякаемый источник, но тенденцию не так просто остановить. Банки сохранили неинвестиционный характер своей деятельности. Об этом свидетельствует и исключительное развитие потребительского кредита, обслуживание пластиковых карт, денежных переводов, различных платежей – заработной платы, пенсий, коммерческих услуг и т.д. Очевидно, банки меньше всего ориентированы на финансирование реального сектора.

В то же время относительный экономический рост реального сектора за счет собственных усилий и усилий группы всеохватывающих интересов умножает финансовые ресурсы для банковского сектора. В этом же направлении работают сырьевые отрасли и ТЭК [см. 4, с. 13].

Безусловно, все это усиливает отток финансовых ресурсов в сферу политических инвестиций, «так как поиск ренты выступает как преобладающая бизнес-стратегия» [9, с. 16]. Возникает некое противоречие, которое сглаживается при благоприятной рыночной (мировой) конъюнктуре и обостряется при неблагоприятной.

Особенно ярко взаимосвязь структурной и конъюнктурной стабильности выразилась в условиях современного мирового финансового кризиса. При этом указанная взаимосвязь показала, что оба вида стабильности практически отсутствуют в российской экономике.

Мировой финансовый и экономический кризис заставил государства большой двадцатки принимать как коллективные меры по преодолению кризиса, так и индивидуальные. Одним из наиболее популярных решений в указанной группе стран в соответствии с идеями кейнсианства было снижение ставки рефинансирования. В Германии и Франции она составила 0,5%, в Англии – 1%, в Японии и вовсе опустилась до нулевой отметки. В России учетная ставка выросла до 16%, сделав в самый экономически критический момент кредиты недоступными. Государственная финансовая помощь в объеме 500 млрд руб. стала достоянием не более чем 10 особо избранных банков, которые тут же потратили их на валютные спекуляции, по-существу, не выдав ни одного кредита в реальный сектор. Правительство же взывает лишь к совести предпринимателей, увы, только банковского сектора. Из олигархов, получивших финансовую помощь на миллиардные суммы в долларовом исчислении, один купил еще одну яхту, а другой приобрел дворец во Франции стоимостью 480 млн долл.

Таким образом, совершенно очевидно следующее:

- 1) в России наблюдается господство групп специальных интересов, которое многообразно, но бесспорно;
- 2) группа всеохватывающих интересов находится только в процессе формирования, и хотя она в последние десять лет активно дистанцируется от групп специальных интересов в политике, в экономике пока занимается, по-существу, их обслуживанием;
- 3) вся финансовая мощь Российской экономики концентрируется в руках крупнейших банков, которые главным образом занимаются политическими инвестициями, изымая эти инвестиции из реального сектора. Иначе говоря, действуют во вред реальному сектору, а не в его пользу;
- 4) структурная и конъюнктурная стабильность в России устанавливается медленно. Ее становлению мешает переходность российской экономики, главной отличительной чертой которой является рентоориентированность финансового сектора. При этом финансовые институты и собственно финансовый сектор развивались значительно быстрее, чем реальный. В России нарушены реальные экономические закономерности, объективные условия возникновения финансового сектора. Как известно, история экономического развития всех стран свидетельствует о производном, вторичном характере его развития. Он есть ответ на

удовлетворение объективных потребностей реального сектора в финансовых ресурсах, а не наоборот.

Подводя итог сказанному, мы констатируем, что любые дискуссии о развитии или устойчивости развития в условиях России на любом уровне – предприятия, отрасли, всей национальной экономики – являются не более чем дискуссиями, не приводящими ни к каким конкретным экономическим и социальным результатам без увязки их со структурной и конъюнктурной стабильностью, задающих развитию его характер – устойчивость или неустойчивость.

Литература

1. *Бовин А.А., Чередникова Л.Е., Якимович В.А.* Управление инновациями в организациях. – М.: Омега-Л, 2006.
2. *Гацалов М.М.* Современный экономический словарь-справочник. – Ухта, 2007.
3. *Коптюг В.А.* Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992). – Новосибирск: СО РАН, 1992.
4. Постсоветский институционализм. 2007. Варианты институционального развития России: предпосылки, закономерности, перспективы / Под ред. Р.М. Нуреева. – Томск, 2008.
5. *Сакс И.* О некоторых последствиях и недостатках изменения количественных и качественных методов измерения развития // Международный журнал социальных наук. – 1995. – № 10.
6. *Самуэльсон П., Нордхаус У.* Экономика. – М.: Бином-Кнорус, 1998.
7. *Серафи С.Э.* Измерение развития: роль учета состояния окружающей среды // Международный журнал социальных наук. – 1995. – № 10.
8. *Тодаро М.* Экономическое развитие. – М.: Юнити, 1997.
9. *Яковлев А.А.* Группа интересов и их влияние на процессы экономических реформ в России // Модернизация экономики России: социальный контекст. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – Кн. 2.